

СМЕРТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ КАК ОБЕРЕГ

Сагаева Зарина Хасановна

магистрант, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», РФ, г. Владикавказ

Аннотация. Колыбельная как поэтический жанр имеет большую историю исследования, но в настоящее время магическая сторона народных колыбельных песен мало изучена. В статье рассматривается происхождение и значение смертной колыбельной песни. Определяются место и роль оберегов.

Ключевые слова: колыбельная песня; оберег; зыбка; магический обряд; мотив; смертная колыбельная песня; заговор.

Колыбельная песня приходит в жизнь человека еще в младенчестве, значительно раньше, чем сам он овладевает речью и возможностью выражать свои мысли и ощущения вербально.

Эти простые и ритмичные музыкальные произведения относятся к древнейшим элементам народного фольклора. Название «колыбельная» происходит, очевидно, от названия детского ложа – колыбели, которое в свою очередь происходит от «колыбать» (качать, колебать). В северных губерниях России колыбельные песни назывались «байками», от байкать, убаюкивать.

Колыбельные возникли в те времена, когда слово высказанное считалось волшебством, иногда опасным. Напомним, что древнее значение этого слова – «шептать, заговаривать». Необходимо заметить, что в данном жанре, как ни в каком другом, яснее всего сохранились элементы заговора – оберега.

Покачивание ребенка, которым сопровождаются колыбельные, в славянской культуре имеет отдельное значение, близкое к магическому. Дело в том, что адресат колыбельной – младенец – находится в ситуации инициации, в переходной стадии, когда ему требуется сила для роста. Именно качание (качели) народ воспринимал как магию «здоровья и роста» – в частности, это движение являлось частью ритуала, направленного на «рост жита» (размахивание, то есть качание с большой амплитудой, символизировало плодородие и оплодотворение).

То есть, покачивая ребенка, мать давала ему «наказ расти» и желала здоровья [1].

Для того чтобы малыш быстрее засыпал, была придумана специальная кровать для укачивания – колыбелька (зыбка). Самое почетное и светлое место в крестьянской избе уделялось ей.

Под влиянием обрядовых песен, в колыбельных появляются описания идеальной колыбели, у нее: «рог золотой», «подушечка перинка», «одеяльце соболье». На Руси устройство колыбели обыгрывалось множеством таинств и мистических обрядов.

Люльку подвешивали к потолку. У многих народов существовало поверье, что небесные силы охраняют приподнятого над полом ребенка, так он лучше растет и накапливает жизненную

энергию.

Материал подбирали ответственно, как правило, использовали камыш и луб.

Не отвлекаясь от повседневной домашней работы, снизу прикреплялась веревка, позволявшая качать эту люльку - зыбку с находящимся в ней ребенком [2]. Соломенный матрасик или толстый слой соломы, положенный на дно колыбели, служил младенцу постелью.

Ребенка после рождения укладывали в колыбель обычно через два – три дня. Колыбель тщательно готовили – окропляли святой водой с особой молитвой. Над колыбелью всегда был полог из темного ситца, который защищал младенца от яркого света, насекомых, а также от «дурного» глаза посторонних людей и «нечистой силы».

Определенные обряды совершались и перед тем, как первый раз положить младенца в зыбку. Они также должны были защитить младенца. Так, надежными защитными оберегами от порчи считались ножницы, топор, иголки. Иногда ребенка умывали через ухват водой, наговоренной на шестке, такое действие считалось оберегом от сглаза.

С целью защиты ребенка от «нечистой силы» проделывали разные манипуляции.

Например, нужно было в течение дня напрясть нитки, выткать из них холст, в который нужно было принять ребенка.

Иногда и отец ребенка мог уложить его, таким образом, как бы официально признавал его своим ребенком.

Принято считать, что окружающий мир наших предков был полон магии и необъяснимых сил, порой очень враждебных.

По мнению русичей, без правильного подхода к ней, выжить было нелегко.

Особенно уязвимыми люди чувствовали себя во сне. Так, по версии некоторых исследователей, наши предки воспринимали сон, как временный отход в мир иной. Кроме того, до начала XX века европейские ученые были уверены, что сон – это аналог смерти.

Действительно, сон – состояние человека, воспринимаемое как близкое к смерти («вечному сну»), а сновидения трактовались как путешествия неумной души по далеким мирам [3].

Младенцы же, еще не обученные народным методам самозащиты от злых сил, не обладающие искусством заговора были совершенно беззащитны ночью.

В целях защиты своего ребенка, мать пела про его смерть.

Таким образом, она говорила нечисти, поджидающей свою жертву, что малыш уже умер, а значит приходить за ним во сне нет необходимости.

Мотив пожелания смерти младенцу, занимает особое место в колыбельных песнях. Он как никакой другой, вызывает споры у фольклористов, этнографов и педагогов по поводу трактовок значения и функций, которые выполняли эти песни.

«Бай да бай,

Поскорее помирай!

Помри скорее!

Буде хоронить веселее...» [4].

Существует несколько основных версий возникновения смертных колыбельных.

Первая, и наиболее спорная, это – тяжелые условия жизни, при которых лишний рот воспринимался как обуза.

При этом трудно отрицать тяжёлое экономическое положение отдельных крестьянских семей.

Существует определённый паремический ряд доказывающий данную гипотезу: «Сын – кормилец, а девочка – раззоридомка!». Ведь для крестьянина и лошадь была дороже ребенка, т. к. если погибнет лошадь, то все дети, а не один, вынуждены будут голодать, болеть и умирать. Такая точка зрения была особенно характерна для советской фольклористики.

Считалось, что если измученная мать сама «уговорит» ребёнка покинуть мир, то он уйдёт во сне и без мучений.

Вторая точка зрения представлена в работах А.Н. Мартыновой и сводится к тому, что эти песни относились только к детям определенного рода – незаконнорожденным, слабым и больным.

Следовательно, тем, которым жизнь сулила множество бед и страданий.

Во многих ритуалах и обрядах, связанных с ранним детством, была задача «обмануть лукавого», т. к. детская жизнь была очень зыбка.

Мотив обмана злых духов был очень популярен в языческих верованиях.

Как пожелание охотнику вернуться без добычи, так и пожелание смерти малышу, скорее всего, было призвано обмануть злые силы, обдурить их, чтобы они не заинтересовались и без того ненужным ребенком и не захотели отнимать его у семьи. В этом и заключается сущность третьего подхода.

Так считает, в частности, В.П. Аникин.

Он утверждает, что, распевая такую песню, мать не желает ребенку смерти, а, напротив, борется за его жизнь и здоровье. Она верила, что после такого пения злые силы оставят ребенка в покое и решается на обман. Отвлекает их внимание и заявляет в песне, что ребенок все равно умрет и даже мертв:

«Бабушка старушка!

Отрежь полотенце

Накрыть младенца» [5].

Таким образом, смертная колыбельная «страхует» смерть реальную, «закаляя» ребенка.

Детальное изображение похорон в смертных колыбельных, придает родителям надежду на то, что ребенок очистится от порчи и сглаза, останется живым, здоровым и приобретет жизненную силу.

Очевидно, что песня всеми средствами «предохраняет» младенца от возможных опасных контактов. Смертные колыбельные песни своим мотивным сочетанием, не только доказывают охранительную природу «похоронного чина», но и еще раз говорят об отсутствии реального пожелания смерти.

Колыбельные песни в ходе эволюции утратили свою магическую функцию, но в памяти тексты продолжали сохраняться. По древнейшим моделям стали создавать новые и новые произведения, носившие чисто практический характер.

Ежедневное исполнение песен позволило сохраниться как древним текстам, так и новым, появлявшимся в практике ухода за детьми. Вот так при внутреннем стремлении отогнать и обмануть смерть, появились эти песни. Видно, это средство действовало, если смертные колыбельные прожили много-много лет и дошли до наших дней.

Список литературы:

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - Москва, 1957. - 240 с.
2. Капица О.И. Детский фольклор. Л., 1928. - 224 с.
3. Кононенко А.А. Персонажи славянской мифологии. М., 1993. - 224 с.
4. Мартынова А.Н. Опыт классификации русских колыбельных песен. // М., 1974, №4. - С. 101-116.
5. Мухамадиева Д.М. Особенности невербального и вербального кодирования в колыбельной песне (на примере русских и татарских народных колыбельных песен) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2006. - №7. - С.141-145.